

Марина Михайловна
ФРОЛОВА

ПОВЕСТЬ А.Ф. ВЕЛЬТМАНА
 «РАЙНА, КОРОЛЕВНА БОЛГАРСКАЯ»
 В ВОЗЗРЕНИЯХ ЭПОХИ
 (ВТОРАЯ ЧЕТВЕРТЬ XIX В.)¹

Аннотация:

В статье сообщается об одаренном писателе А.Ф. Вельтмане и его повести «Райна, королева болгарская», которая, будучи переведенная на болгарский язык, оказала значительное влияние на болгарского читателя и театрального зрителя. Исследование реалий русского общества первой половины XIX в., когда жил и творил А.Ф. Вельтман, а именно: русско-турецкой войны 1828–1829 гг., деятельности Общества истории и древностей российских, существовавшей в тот период историографии, позволяет проникнуть в творческую лабораторию автора и выявить его позицию в отношении болгарского народа. Следует особо подчеркнуть, что через всю повесть Вельтмана проходит лейтмотивом идея исторического предопределения России в освобождении Болгарии, которая воспринималась болгарским обществом второй половины XIX в. с большим воодушевлением и надеждой.

Ключевые слова:

А.Ф. Вельтман, повесть «Райна, королева болгарская», русско-турецкая война 1828–1829 гг., Общество истории и древностей российских, А.Д. Чертков.

Abstract: M.M. Frolova "A.F. VELTMAN AND HIS STORY "RAINA, THE PRINCESS OF BULGARIA" IN THE ISSUES OF THE SECOND QUARTER OF THE 19TH CENTURY".

The article talks about talented writer A.F. Veltman and his story «Raina, the Princess of Bulgaria», which was translated into Bulgarian and had a significant influence on the Bulgarian reader and theater audience. The study of the realities of Russian society of the first half of the 19th century, when A.F. Veltman lived and worked, the Russian-Turkish war of 1828–1829, the activities of the Society of History and Russian Antiquities, historiography, which existed in that period, allows us to enter the creative mind of the author and identify his attitude towards the Bulgarian people. It should be emphasized that the idea of the historical predestination of Russia in the liberation of Bulgaria, which was embraced by the Bulgarian society in the second half of the 19th century with great enthusiasm and hope, is the leitmotif of the whole novel of Veltman.

Keywords:

A.F. Veltman, «Raina, the Princess of Bulgaria», Russian-Turkish war of 1828–1829, Moscow Society of History and Russian Antiquities, A.D. Chertkov.

Александр Фомич Вельтман (1800–1870) внес значительный вклад в развитие культуры России и Болгарии, будучи одаренным писателем, поэтом, историком, членом-корреспондентом Императорской Академии наук, директором Московской Оружейной палаты, поднявшись по

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (грант № 18–512–76004).

служебной лестнице до действительного статского советника (4-й класс, соответствовал генерал-майору в армии). После окончания Училища колонновожатых (прообраз Академии Генштаба) в чине прапорщика свиты Его императорского величества по квартирмейстерской части (название Генштаба Российской империи до 1827 г.) его направили в Бессарабию, которая после русско-турецкой войны 1806–1812 гг., согласно Бухарестскому миру 1812 г., была присоединена к России. В составе военно-топографической комиссии Вельтман занимался картографированием Бессарабии и за отличную службу был награжден бриллиантовым перстнем, чином штабс-капитана (1826 г.) и назначен начальником Исторического отдела Императорской Главной квартиры. Во время русско-турецкой войны 1828–1829 гг. он получил за храбрость орден Св. Владимира 4-й степени и чин капитана. В 1831 г. по болезни уволился в чине подполковника и поселился в Москве, где началась его плодотворная литературная и общественная деятельность. На его знаменитые литературные четверги съезжались известные писатели, историки (М.Н. Загоскин, В.И. Даль, И.И. Срезневский, М.П. Погодин, А.Н. Островский и др.), а также художники и музыканты.

Вельтман стал автором 15 романов, десятков повестей и рассказов, явившись родоначальником жанра исторического фэнтези [«Кощей бессмертный, былина старого времени» (1833); «Светославич, вражий питомец. Диво времен Красного Солнца Владимира» (1835)], одним из первых в мировой литературе применил прием путешествия во времени [«Александр Филиппович Македонский. Предки Калимероса» (1836)]. Его произведения были необычайно популярны в России в 1830–1840-х годах, но практически забыты в конце XIX в. с утратой романтизмом своего ведущего значения в литературе.

В 1843 г. вышла в свет повесть Вельтмана «Райна, королевна болгарская», которая пользовалась огромной популярностью в среде болгарской эмиграции и в самой Болгарии во второй половине XIX в. В 1852 г. болгарский читатель увидел ее даже в двух переводах на болгарский язык: один принадлежал первой болгарской поэтессе Елене Мутевой (1825–1854), а другой — болгарскому просветителю и педагогу Йоакиму Груеву (1828–1912). Добри

*Александр Фомич
Вельтман*

Войников (1833–1878) создал на ее основе драму «Райна-княгиня», и она многие годы с огромным успехом шла на профессиональных и любительских сценах Болгарии и Валахии. Иллюстрации к «Райне» художника Николая Павловича (1835–1894) стали классикой болгарского изобразительного искусства². Повесть Вельтмана, отмечал болгарский литературовед Д. Леков, оказала «воздействие на формирование художественных критериев и вкуса» болгар второй половины XIX в. и «присутствует» в творческом мире литераторов и писателей» Болгарии³. Она открыла путь исторического романа в болгарской литературе⁴. И хотя считается, что «Райна, королева болгарская» стала одним из «самых исследованных произведений»⁵ переводной литературы периода болгарского Возрождения, тем не менее, остаются невыясненными многие вопросы, на которые можно ответить, только внимательно изучая реалии русского общества первой половины XIX в., когда жил и творил А.Ф. Вельтман.

О чем же эта повесть? О прекрасной любви киевского князя Святослава и дочери болгарского короля* Петра Райны, о коварных придворных интригах в борьбе за болгарский престол, что прихотливо вплетается автором в ткань повествования о двух походах князя Святослава в Болгарию в конце X в., известных по русской летописи и византийским источникам. Святослав по приглашению византийского императора Никифора II Фоки (963–969 гг.) идет «воевать землю болгарскую и держать во власти своей», но в Болгарии он преобращается из врага в союзника и друга, способствует воцарению в Преславе законного наследника — Бориса. Получив тревожные вести из Киева, столицы Руси, о нападении на город печенегов и о болезни матери княгини Ольги, Святослав спешит на родину. Тем временем византийский трон занял Иоанн Цимисхий, который захватил и Преслав. Святослав возвратился в Болгарию с дружиной в 10 тыс. человек и в неравной схватке с 100-тысячным греческим войском у Доростола (современный г. Силистра) был вынужден отступить. Райна ушла вместе с возлюбленным, и они оба погибли от стрел печенегов на днепровских порогах. А Болгария попала под двухвековое владычество Византии.

Историки литературы в поисках ответа на вопрос, как родился замысел повести, полагали, что Вельтман познакомился с болгарским народом в годы своей службы в Бессарабии, где имелись болгарские поселения,

² *Иванова Бл.* Литографии от Възраждането в Народната библиотека «Св. св Кирил и Методий» // Историята и книгите като приятелство: сборник в памет на Митко Лачев / състав. Надя Данова и др. София, 2007. С. 441, 443–444, 446–447.

³ *Леков Д.* Българска възрожденска литература. Проблеми, жанрове, творци. София, 1988. Т. 1. С. 110.

⁴ *Георгиев Е.* Български образи в славянските литератури. София, 1969. С. 144.

⁵ *Аретов Н.* Преводната белетристика от първата половина на XIX в. София, 1990. С. 198.

* Вельтман использовал титул «король» для государей Болгарии, хотя в историографии они именуются царями. Болгарские переводчики передали этот титул каждый по-своему: Е. Мутева — как «царь», Й. Груев — как «князь».

а главное, во время русско-турецкой войны 1828–1829 гг. Однако с этим утверждением нельзя согласиться. В романе «Странник» (1830–1832), который принес автору первую литературную славу, многие страницы посвящены военной кампании 1828 г. — походу русской армии от Дуная, через Базарджик к крепостям Шумле, Варне, а затем в Яссы на зимние квартиры, и при этом читатель ни разу не встретил в повествовании упоминания о болгарах. В романе чаще всего звучала молдавская речь, действующие лица говорили также на немецком, французском, новогреческом, турецком, арабском языках, даже на идише. А на болгарском нет ни одной фразы! Если обратиться к воспоминаниям и запискам русских офицеров о военной кампании 1828 г., то и там имеет место та же «странность»: в описаниях природы, климата, городов Болгарии отсутствуют сведения о болгарском населении. А объяснение этому находим в воспоминаниях генерал-майора П.Я. Купреянова, шедшего в авангарде русской армии: «Селения, лежащие по пути следования при приближении наших войск были оставляемы жителями, потому что турки угоняли всех с собой, понуждая к этому даже пушечными выстрелами»⁶. Вельтман прекрасно передал чувства русских воинов при вступлении в «пустой город» — Базарджик. «Мне кажется, не только люди и животные, но и все насекомые скрылись из него. Какая пустота! какая мрачность! Точно, как в сердце, оставленном надеждою». «Фонтаны не льются, они иссохли. В некоторых вода еще слезит, но она уже горька, как слезы... отравлена»⁷. В знаменитом Забалканском походе русской армии 1829 г. Вельтман не участвовал, поэтому он не мог знать, как полагала болгарская исследовательница Л. Минкова, сколь гостеприимно встречали болгары русские войска в 1829 г. в городах и селах Румелии⁸. А именно здесь русские познакомились с болгарским населением.

На наш взгляд, интерес Вельтмана к истории Болгарии развился благодаря атмосфере повышенного внимания к культуре славян, царившего в Обществе истории и древностей российских (ОИДР). 30 сентября 1833 г. Вельтман был единогласно принят в его действительные члены, представив в Общество свои книги: «Начертание древней истории Бессарабии» (М., 1828) и «Песнь ополчению Игоря Святославича» (М., 1833), т.е. перевод «Слова о полку Игореве»⁹. На заседании ОИДР 28 ноября 1834 г. он прочитал свою работу «О язычестве славяно-русов»; 28 марта 1842 г. — «О первобытной религии славяно-русов»; в 1840 г. подарил в библиотеку Общества книгу «Древние собственные славянские имена» (М., 1840)¹⁰. Вообще дея-

⁶ Купреянов П.Я. Действия Праводского отряда в 1828–1829 гг. Посмертные записки генерала Купреянова с планом // Военный сборник. 1875. Т. 101. № 2. С. 162.

⁷ Вельтман А.Ф. Странник. М., 1977. С. 102.

⁸ Минкова Л. Повестта на А.Ф. Велтман «Райна, королевна Болгарская» в преводната литература на българското възраждане и в историята на превода в България // Литературна мисъл. 1989. № 1. С. 102.

⁹ Труды и летописи Общества истории и древностей российских. М., 1837. Ч. VIII. С. 211.

¹⁰ Там же. С. 296; Русский исторический сборник. 1843. Т. 6. Кн. 4. С. 39.

тельность Вельтмана в ОИДР была интенсивна и разнообразна, но, к сожалению, она еще не стала предметом специального изучения.

В начале осени 1839 г. из зарубежной поездки в Москву возвратился вице-президент ОИДР А.Д. Чертков (1789–1858), участник осады Силистрии в 1828 г. В Ватиканской библиотеке он изучал знаменитую рукопись болгарского перевода византийской хроники Константина Манассии (XII в.), в которой болгарский переводчик XIV в. на полях киноварью дописал сведения о прошлом своей страны (глоссы). Ватиканский список был украшен 69 миниатюрами. Чертков заказал цветные копии миниатюр, которые относились к русской истории: крещение руссов, вступление Святослава в Дристр (Доростол), сражение русских с болгарами, вступление Цимисхия в Преслав, сражение русских и византийцев под Дристром. Копии глосс и миниатюр Чертков представил на заседании ОИДР 20 октября 1839 г.¹¹ Сюжеты о походах киевского князя Святослава в конце X в. вошли в его монографию «О переводе Манассииной летописи на словенский язык, по двум спискам: Ватиканскому и Патриаршей библиотеки, с очерком истории болгар» (М., 1842), а затем составили исследование «Описание войны великого князя Святослава Игоревича против болгар и греков в 967–971 гг.» (М., 1843).

Как известно, в русской историографии XIX в. господствовало мнение историографа Н.М. Карамзина о том, что Святослав, «образец великих полководцев, не есть пример государя великого: ибо он славу побед уважал более государственного блага, и характером своим пленяя воображение стихотворца, заслуживает укоризну историка»¹². Данное высказывание легло в основу последовавших вариаций на тему «Святослав — вождь бродячей дружины, последний варяжский князь, но не строитель русского государства». В таком ключе представал киевский князь и в работах М.П. Погодина, С.М. Соловьева, А.Ф. Гильфердинга, Д.И. Иловайского, И.Е. Забелина, Н.А. Полевого, С.В. Бахрушина, А.Е. Преснякова и др. Чертков предложил и обосновал свою концепцию походов Святослава на Балканы. Его точка зрения на первый поход Святослава в Болгарию фактически повторяла общепринятую: по приглашению Византийской империи князь предпринял обыкновенный набег с целью получения добычи. Но после поселения в Переяславце произошли значительные перемены в его помыслах. Чертков доказывал, что «обыкновенный набег на Болгарию для получения добычи» превратился в великое предприятие Святослава, имевшее целью «перенести владычество русских с хладного севера на берега Черного моря и на плодородные равнины Болгарии, Фракии и Македонии», что «могло иметь важные следствия для исторической судьбы славян»¹³. В исследовании

¹¹ Труды и летописи ОИДР. 1837. Ч. VIII. С. 411.

¹² Карамзин Н.М. История государства Российского. М., 1989. Т. 1. С. 139.

¹³ Чертков А.Д. Описание войны великого князя Святослава Игоревича против болгар и греков в 967–971 гг. М., 1843. С. 245.

Черткова Святослав в конечном итоге выступал мудрым, дальновидным правителем. Для русской исторической науки такой взгляд на походы киевского князя на Балканы был нов и неожидан. Его разделял только Вельтман.

Сравнительно долгое время преобладало мнение, что Святослав огнем и мечом прошел по всей Болгарии, преодолел силой оружия сопротивление населения, кровавым террором навязал болгарам не только свою власть, но и заставил их помогать ему в войне с Византией. Считалось, что Святослав захватил в плен болгарского царя Бориса II (970–971 гг.), а византийский император Иоанн Цимисхий (969–976 гг.) в освобожденном от русских Преславе «ласково принял» последнего. Так писали М.М. Щербатов, И. Стриттер, позднее А.Ф. Гильфердинг, М.П. Погодин, С.М. Соловьев, К. Иречек и др.

Чертков впервые в русской исторической науке выделил факты, свидетельствовавшие о дружеских, союзнических отношениях болгар и русских. Он считал, что болгарское войско составляло половину ратников Святослава, и болгарские воины вместе с русскими сражались под Аркадиополем и Преславом. Когда болгарского царя Бориса захватили византийцы и привели к Цимисхию, он носил знаки царского достоинства и «не был заключен Святославом в оковы». Руссы, писал историк, не тронули царских сокровищ, что сделали потом византийцы. Эти данные навели Черткова на мысль не только о дружественных отношениях болгар и русских, но и вероятном союзе между ними. Из современников Черткова только Вельтман принял данную версию. Почти целое столетие спустя, в 30-е годы XX в., болгарский историк П. Мутафчиев также сделал вывод о русско-болгарском союзе в период походов Святослава на Балканы¹⁴.

В ходе работы над книгами Чертков делал доклады на заседаниях ОИДР. Его видение балканских походов Святослава обсуждалось и на литературных вечерах — как в доме у историка по субботам, так и по четвергам у Вельтмана. Следует подчеркнуть, что Чертков пользовался заслуженным уважением среди коллег: его каталог русских монет XIV–XV вв. заложил основы русской научной нумизматики, а каталогом его уникальной библиотеки было «положено твердое основание русской ученой библиографии». В монографии «Описание войны великого князя Святослава Игоревича...» Чертков, применяя метод критического сопоставления источников, скрупулезно проанализировал сведения византийских хронистов Льва Дьякона (X в.), Скилицы-Кедрина (XI в.), Зонары (XII в.), «Повести временных лет», а также исследования И. Раича, Л. Гебгарди, И. Стриттера, М. Орбини, Ш. Лебо, А.Л. Шлецера, Н.М. Карамзина.

Фундаментальность изысканий Черткова и логика его выводов обратили Вельтмана в его единомышленника. Он воспринял версию Черткова событий конца X в.: первого похода киевского князя как завоевания части

¹⁴ Чертков А.Д. Описание... С. 33, 169, 218; Мутафчиев П. Руско-български отношения при Святослава // Seminarium Kondakovianum. Prague. IV. 1931. С. 78–92.

Болгарии по приглашению византийского императора Никифора II Фоки, второго — как войны руссов и болгар против Византии. Романтическая и пылкая натура Вельтмана не могла не увлечься яркостью, динамичностью и трагичностью картин походов воинства Святослава в Болгарии. Ожили воспоминания русско-турецкой войны 1828–1829 гг., когда «тьнь Святослава», как писали русские офицеры, незримо сопровождала русские войска в Болгарии. Удивительный талант Вельтмана облек научные изыскания и летописные сведения в литературные одежды, дополнив их неожиданным вымыслом о необыкновенной романтической любви Святослава и Райны, чудный образ которой также явился плодом фантазии писателя. Вельтман смог позволить себе значительные отступления от исторического текста, поскольку уже существовало серьезное научное исследование балканских походов Святослава.

К сожалению, приходится опровергать предположение болгарского исследователя Е. Георгиева о том, что в качестве одного из источников Вельтман мог использовать «Историю славяноболгарскую» Паисия Хилендарского¹⁵. С этим сочинением московские ученые могли познакомиться благодаря копии, которую в июле 1844 г. одесский историк Н.Н. Мурзакевич специально заказал снять для Черткова «со старинного списка», имевшегося у В. Априлова (Жеравненский список)¹⁶. Но Е. Георгиев совершенно справедливо обратил внимание на антигреческую тенденцию в повести Вельтмана, а также на стремление автора к возвеличиванию Болгарии, что было характерно для «Истории славяноболгарской». Истоки возникновения антигреческого настроения в повести «Райна, королевна болгарская» следует искать во впечатлениях, полученных во время русско-турецкой войны 1828–1829 гг. Русские офицеры с удивлением и горечью отмечали невежество и корыстолюбие греческих священников, многие из которых «предавались жизни крайне соблазнительной для паствы»¹⁷. О противодействии греков пробуждению у болгар национального чувства, развитию просвещения, о вытеснении славянского языка греческим сообщали Венелин, Мурзакевич, Априлов. Со страниц авторитетного «Журнала министерства народного просвещения» Мурзакевич в 1838 г. призвал соотечественников к содействию в распространении просвещения в болгарском народе¹⁸, чему сам он всегда горячо способствовал.

Е. Георгиев, отмечая интонации Паисия Хилендарского в повести Вельтмана, указывал, в частности, на ответ посланника Райны, когда тот гордо

¹⁵ Георгиев Е. Български образи... С. 142.

¹⁶ См. подробнее: Фрлова М.М. Към въпроса за произхода на Чертковия (Московския) препис на «История славянобългарска» на Паисий Хилендарски // «История Славянобългарска» и духовният живот през 30–40-те години на XIX век. Велико Търново, 2013. С. 164–174.

¹⁷ Должиков П. Наблюдения русского офицера в Варне // Отечественные записки. 1829. Ч. 39. № 113. С. 437, 455.

¹⁸ Мурзакевич Н.Н. Нынешнее состояние просвещения у болгар // Журнал министерства народного просвещения. 1838. Ч. 18. № 4. С. 123.

заявил Святославу: «Не платила Болгария дани грекам и даров не носила, а принимала дани и дары от них»¹⁹. Эта убежденность героев повести Вельгмана зиждилась на основательных результатах научных изысканий Черткова. Существовавшая историография (Раич, Гебгарди, Стриттер, Орбини, Лебо, Шлецер, Карамзин, Шафарик, Полевой), излагая причины конфликта между Болгарией и Византией, сводила их к тому, что греки были раздражены пассивностью болгар, не воспрепятствовавших проходу венгров по территории Болгарии к византийским границам. Чертков внимательно отнесся к сведениям Льва Диакона об отказе Никифора II Фоки платить в 966 г. ранее вносимую дань болгарам. Ученый обосновал реальность существовавших даннических отношений империи с Болгарией, проследив историю их взаимоотношений с прихода на Балканы в VII в. орды хана Аспаруха и до X в. В подкрепление своих доводов Чертков также вспомнил хорошо известные случаи уплаты Константинополем дани другим соседним народам²⁰. Научная обоснованность мнения Черткова относительно дани была взята на вооружение Вельгманом и замечательно претворена в повести «Райна, королева болгарская».

И Чертков, и Вельгман писали о средневековой Болгарии как о богатом, могущественном царстве. Вельгман не скупился, описывая красоты и богатства Болгарии, роскошные и нарядные одежды и драгоценные украшения Райны. Королевские дворцы в Преславе и Доростоле — это великолепные палаты, откуда открывался чудесный вид на город. Хотя память воспроизводила иную картину, увиденную в Болгарии в 1828 г.: «неказистость домов даже турецких пашей, напоминавших украинские мазанки», неприятно удивляла русских офицеров.

Обращает внимание решение Вельгманом образа великого киевского князя. В его изображении Святослав, став победителем, ничуть не умалял достоинство представителей правящей династии Болгарии: как брата, т.е. как равного себе, он встречал Бориса, с почтением и восхищением он искал любви у Райны, внимал советам их дяди — Вояна. Для Болгарии он стал не завоевателем, а избавителем ее от внутренней смуты, защитником ее от Византии, восстановителем ее государственности. Е. Георгиев писал, что Вельгман «создал образ Святослава так, что он воплощал любовь к небольшому славянскому народу», что «великодушие Святослава по отношению к Болгарии было равно подвигу»²¹.

Повесть Вельгмана «Райна, королева болгарская» получила широкое распространение в Болгарии, поскольку она, по нашему мнению, не только «ласкала национальное самолюбие болгар той эпохи», как писал болгарский ученый И. Шишманов, но и вселяла уверенность и надежду, что Болгария — это страна со славным прошлым, и она будет свободна от ту-

¹⁹ Вельгман А.Ф. Райна, королева болгарская // Вельгман А.Ф. Романы. М., 1985. С. 416.

²⁰ Чертков А.Д. Описание... С. 139–148.

²¹ Георгиев Е. Български образи... С. 142.

рецкого господства. В повести громко звучала идея исторического предопределения России в освобождении Болгарии, которая разделялась всеми русскими офицерами, участниками русско-турецкой войны 1828–1829 гг., и которая воспринималась болгарским читателем второй половины XIX в. с большим воодушевлением и надеждой.

ЛИТЕРАТУРА

- Аретов Н.* Преводната белетристика от първата половина на XIX в. София: Климент Охридски, 1990. 247 с.
- Вацуро В.Э.* Болгарские темы и мотивы в русской литературе 1820–1840-х годов. (Этюды и разыскания) // Русско-болгарские фольклорные и литературные связи. Л., 1976. Т. 1. С. 231–272.
- Георгиев Е.* Български образи в славянските литератури. София: Наука и изкуство, 1969. 391 с.
- Германов Г.* Окървавено навечерие. (България и българите в руската литература). Варна: Георги Бакалов, 1976. 350 с.
- Карамзин Н.М.* История государства Российского. М.: Наука, 1989. Т. 1. 640 с.
- Леков Д.* Българска възрожденска литература. Проблеми, жанрове, творци. София: Наука и изкуство, 1988. Т. 1. 339 с.
- Минкова Л.* Повестта на А.Ф. Велтман «Райна, королева Болгарская» в преводната литература на българското възраждане и в историята на превода в България // Литературна мисъл. 1989. № 1.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. Павлович Николай «Видение царю Петру». 1874. (Литография).
2. Павлович Николай «Неизвестный отсекает голову статуи Беллерофона». (Литография. 1874. Печатал Райфенщайн и Реш въ Виена). (Беллерофон — герой греческой мифологии, совершавший свои подвиги на крылатом коне Пегасе, победивший злобное чудовище — Химеру).
3. Павлович Николай «Обморок Райны в церкви». (Литография. 1874. Печаталъ Райфенцаинъ и Решъ въ Виен)
4. Павлович Николай «Встреча княгини Райны с братьями и русским князем Святославом». (Двухцветная литография. 1860).
Иллюстрации болгарского художника Н. Павловича к повести А.Ф. Вельтмана «Райна, королева болгарская» любезно предоставила д-р Бл. Иванова (Assoc. Prof. Blagovesta Ivanova, PhD. University of Structural Engineering & Architecture «L. Karavelov». <http://www.vsu.bg/index3.php> and Chief Curator at the National Museum for Bulgarian Art, <http://www.nationalartgallerybg.org/>)
5. Вельтман Александр Фомич. 1835 г. (гравюра на меди, пунктир, художник Ф.Берже. Франция/Россия)
6. Вельтман Александр Фомич. (Акварель К.-Ф.П. Бодри. 1839)
7. Мутева Елена. «Райна, българска царкыня» (Санкт-Петербург, 1852).